

**«ЦВЕТЫ ОБОЕВ, ЦЕПИ КНИГ...»
(О КАБИНЕТЕ В.Я.БРЮСОВА В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА)**

«Домом Брюсова» называли москвичи с начала XX в. особняк на ул. 1-ой Мещанской, 32 (ныне проспект Мира, 30), хотя поэту он не принадлежал. Валерий Яковлевич Брюсов снял первый этаж дома у богатого купца-обувщика И.К.Баева в августе 1910 г. Поэт переехал сюда из родительского особняка на Цветном бульваре, 22. Московский купец Кузьма Андреевич Брюсов, дед Валерия Брюсова, купил дом на Цветном ещё в 1877 году для семьи, и Брюсов до 1910 г. всегда жил в родительских стенах. Только после смерти отца – Якова Кузьмича Брюсова (в 1908 г.) – поэт переехал с женой в отдельную большую квартиру.

По проекту востребованного тогда архитектора В.И.Чагина новый дом был построен на месте старого, возведённого ещё после пожара 1812-го. Особняк в стиле северного, или скандинавского модерна не имел фигуративных деталей, был внешне прост и сдержанно красив. Вход сделан в виде пристроенной к дому с правой стороны башни с остроконечной – «под готику» – крышей, над жилой частью надстроен третий этаж как мансарда с широким трехстворчатым окном, необходимым для достаточного освещения. В доме всё оборудовали для удобства, включив в быт последние достижения техники – электричество, центральное отопление, телефон. Брюсов ценил как простоту и комфорт, так и эти прогрессивные достижения. К телефону всегда подходила Иоанна Матвеевна и решала, стоит ли беспокоить мужа, дававшего свой номер только избранным. На визитных карточках, заказанных ею, телефонный номер не был напечатан, правда, это в те годы было в порядке вещей, указывался только адрес: «1-я Мещанская, 32, кв. 2».

Владелец дома – Иван Кузьмич Баев, занимавший верхние помещения, не мог не гордиться своим жильцом, находившимся тогда в зените славы. Квартира Брюсовых состояла из четырех

комнат, просторной кухни и прихожей. В уютной гостиной Валерий Брюсов отдыхал со своими близкими. Окна гостиной выходили во двор, в сад смотрело окно столовой. Спальня и кабинет, окнами на 1-ю Мещанскую, от шума улицы были отгорожены палисадником. На стенах квартиры висели картины, подаренные художниками Н.Феофилактовым, Л.Бакстом, М.Шестёркиным, Н.Сапуновым, Н.Гончаровой. Вход в квартиру был отдельный, со стороны сада. Раньше, на Цветном, в квартиру к поэту нужно было подниматься по чрезвычайно крутой деревянной лестнице, представлявшей, по словам современников, «своего рода архитектурную нелепость». По ней, как передавала жена Брюсова В.Саводнику, однажды «скатился вниз пьяный Бальмонт» [<http://www.poesis.ru/poeti-poezia/savodnik/univers.htm>]. Зимой пробираться к лестнице приходилось по узенькой тропинке между сугробами. З.Гиппиус отмечала поразивший ее в связи с Брюсовым контраст патриархальности родительского дома и европейской обстановки интерьеров издательства «Скорпион», которое размещалось в только что отстроенной гостинице «Метрополь», где еще пахло штукатуркой, но на стенах были развешены картины, а на редакторском столе – изящные безделушки, чай – из новомодных электрических чайников в «style modern». После переезда в особняк Баева, по словам Гиппиус, поэт «жил не без *«confort moderne, в расписном rez-de-chabssee [цокольном этаже]*» в комнатах с необычно ярким цветом обоев и «*какими-то висячими фонариками*» [Гиппиус 1989:47], имея в виду светильники все в том же новомодном стиле, сочетавшиеся со всей обстановкой квартиры.

Работал Брюсов в большом кабинете, куда из дома на Цветном были перевезены большой дубовый стол, настенные часы, книги и гравюры. Под потолком висела люстра, выполненная, как и остальные светильники в доме, в стиле «модерн» и прекрасно сочетавшаяся с обстановкой. При входе гость обращал внимание на гравюру с портрета Брюсова работы М. Врубеля (1906): тёмный силуэт, застёгнутый на все пуговицы сюртук, скрещённые на груди руки. Брюсов писал о работе художника в 1912 году в очерке «Последняя работа Врубеля»: «После этого портрета мне других не нужно. И я часто говорю, полушутя, что

стараюсь остаться похожим на свой портрет, сделанный Врубелем» [Брюсов 2002:249]. Над книжными стеллажами – портреты А. де Винчи, Э.Верхарна, Ф.Тютчева, И.Тургенева, А.Теннисона, итальянская гравюра XVIII века с изображением Данте – «вечных спутников» поэта.

Современники отмечали, что кабинет был очень просторным и простым, те же особенности отмечал Игорь Северянин: «Бросалась в глаза пустыньность и предельная простота обстановки» [Северянин 2005:586]. Владимир Фефер: «Кабинет очень прост, в нём нет лишних украшений – бюст Жуковского, гравюра Пушкина, несколько портретов писателей. Знаменитый длинный стол. <...> Всё, что находится здесь, хранит следы труда. Не только поэта, но и учёного-историка, философа, лингвиста, математика, журналиста, редактора <...>» [Фефер 1976:808]. Не лишённый сентиментальности поэт заказал для кабинета бюст своего рано погибшего друга, Ивана Коневского (Ореуса). Корреспондент газеты «Огонёк», бравший интервью у поэта в 1914 году, подробно описал обстановку: «Кабинет В.Я. удивительно простой – ни одной вычурной, бющей в глаза вещицы. Большой письменный стол, заваленный книгами и корректурами, другой – с пишущей машинкой, третий – для работы, не требующей сложных материалов» [Г.Н. 1914:12]. На столе стоял портрет Иоанны Матвеевны – силуэт из черной бумаги, выполненный в одной из парижских мастерских.

На большом дубовом столе в определенном порядке были разложены новые книги, которые поэт рецензировал. В 1910 году Брюсов возглавил литературный отдел журнала «Русская мысль», а вскоре присоединил и отдел критики и библиографии. Известно, что его обзоры включали иногда громадное количество рецензируемых произведений – до 80 книг. Помимо многочисленных статей, стихотворных сборников, романов, повестей, Брюсов оставил целую антологию переводов из мировой поэзии. Поэт, как известно, в совершенстве владел шестью языками, а по подстрочникам переводил более чем с двадцати, создав свою школу стихотворного перевода. В 1916 г. Московским Армянским комитетом была издана антология «Поэзия Армении» под редакцией Брюсова. Для подготовки этого издания поэт изучил примерно

за год армянский язык, привлёк к переводам армянской поэзии А.Блока, В.Иванова, К.Бальмонта, В.Ходасевича...

О невероятной работоспособности Брюсова знали многие современники. В.Шершеневич утверждал: «Работал Брюсов всегда: сидел ли он дома за столом, шёл ли он по улице, сидел ли он на заседании, в голове кипела работа и складывались строки. Только этим и можно объяснить то громадное количество произведений, которое он успел написать за свою сравнительно короткую жизнь» [Шершеневич 1990:117]. И.М.Брюсова вспоминала: «Работал он чрезвычайно скоро и очень много <...>, отдыхал мало, и то – вместо отдыха – <...> займётся или математикой, или перечитыванием латинских поэтов» [Брюсова 2006:334].

Попытки Иоанны Матвеевны установить в доме какой-нибудь распорядок дня ни к чему не приводили. Она вспоминала: «Валерий Яковлевич, при всей своей методичности, был враг однообразного уклада жизни. Устанавливаемые мною часы обедов и ужинов часто отменялись и почти всегда нарушались» [Брюсова 2006:334]. Однажды в кабинет к Брюсову заглянул А.Блок. Брюсов вышел к нему молча, и они пропали на несколько дней. При этом поэт нуждался в налаженном быте и домашнем уюте, одним из атрибутов которого были знаменитые пироги с морковью, их особенно хорошо умела печь Иоанна Матвеевна. З.Гиппиус в своем очерке о Брюсове – «Одержимый», назвала «необыкновенно обыкновенную» жену поэта «воистину замечательной»: «Ведь это единственная женщина, которую во всю жизнь Брюсов любил» [Гиппиус 1989:42]. Жена была для него той тихой гаванью, куда он возвращался после своих бурных странствий. Так, например, близкие поэта, смотря на страстные перипетии его романа с Ниной Петровской, иронично называли её «Египетской кормой». («Вслед за египетской кормой» «кидал» свой корабль герой стихотворения Брюсова – римский триумвир Марк Антоний). Как известно, Нина Петровская стала прототипом образа Ренаты из романа «Огненный ангел». В одном из шкафов бережно хранились материалы, из которых Брюсов черпал сведения для работы над романом. Здесь стояли карты, атласы, книги XVI в., изданные на латыни и посвященные оккультным наукам.

В этом доме Брюсов пережил тяжёлую личную драму. 23 ноября 1913 г. покончила с собой юная поэтесса Надежда Львова. Брюсов, потрясённый ее гибелью, уехал из Москвы в Петербург, так как московские газеты выставляли его виновником этого самоубийства. Он не мог находиться дома, предпочитая в одиночестве переживать своё горе. Личная драма совпала с приездом в Москву Эмиля Верхарна. С ним Брюсов давно уже был знаком, гостил у бельгийского поэта в 1909 г. и ждал его ответного приезда. Поэт отчаянно просил Иоанну Матвеевну встретить Верхарна и исполнить это как «долг любви». Иоанна Матвеевна исполнила всё, что просил муж. Справившись с собой, Брюсов возвратился в Москву и в воскресенье 2 декабря принимал Верхарна у себя, а 3 декабря присутствовал на его лекции в Московском Литературно-художественном кружке.

В доме на 1-й Мещанской Брюсов продолжил свои знаменитые «среды». Бронислава Погорелова (сестра жены поэта, секретарь журналов «Весы» и «Русская мысль») вспоминала: «Раз в месяц, по средам, у Брюсовых собирались поэты. Рассаживались за чайным столом, и по предложению В.Я. кто-нибудь приступал к чтению своих стихов. По раз установившейся традиции право критики предоставлялось Брюсову. В тех случаях, когда выслушанные стихи казались ему совершенно ничтожными, он, после некоторого хмурого молчания, прямо обращался к следующему поэту, предлагая прочесть своё произведение» [Погорелова 1993:34]. На собраниях не подавали вина. Иоанна Матвеева разливала чай. Приезжали не только москвичи, но и петербуржцы – А.Блок, В.Иванов и другие. Посетивший Брюсова Н.Гумилёв поразил присутствующих своей громадной эрудицией. Ещё не получив стакана чаю, он начал рассказ о своих путешествиях, а когда Брюсов перевёл разговор на другую тему, заговорил о зарубежных музеях и выставках. Б.Погорелова отметила, что о всемирно известных музеях Гумилев принялся говорить, как ученый специалист по истории искусств, а о знаменитых манускриптах – как изощрённый палеограф.

Игорь Северянин вспоминал «чудесное знакомство» с Брюсовым в доме на 1-й Мещанской. Поэту запомнились благожелательные и восторженные глаза Брюсова и сердечные интонации

его голоса. Вяч. Иванов в этом кабинете критиковал стихи будущего сборника «Меа» («Спеши»; издан уже после смерти Брюсова, в конце 1924 г.). В последние годы на «средах» бывал В.Маяковский.

В начале 1920-х собрания поэтов прекратились. Квартиру уплотняли, вселились родственники Брюсова и его жены, а поэту пришлось совместить спальню с кабинетом. Несмотря на это, количество книг в кабинете постоянно увеличивалось, уже не помещаясь на стеллажах. Брюсов следил за состоянием книг – многие из них в новых переплётах, известно, что до революции в дом регулярно приходил переплётчик.

Библиотека была организована по разделам: словари, русская литература, современные писатели и поэты, западная литература, история, философия, искусствознание, религиоведение. В начале 20-х гг. власти хотели реквизировать библиотеку, к тому времени доходившую до шести тысяч томов. Спасти её от реквизиции помог нарком просвещения А.В.Луначарский, за помощью к которому обратился Брюсов. Книги остались у хозяина в целости и сохранности. После смерти поэта книги современников (их было около тысячи) с их автографами были переданы И.М.Брюсовой в библиотеку имени В.И.Ленина (ныне – РГБ). На сегодняшний день в кабинете поэта находится 1129 изданий.

Б.Погорелова вспоминала тяжёлое время начала 1920-х, когда изменился и дом, и поэт: «В.Я. утратил дух былого задора. С каждым днем становился пассивнее и безразличнее к окружающему. Былое оживление возвращалось к нему лишь в те минуты, когда он возился с 4-х летним племянником Колей» (сын сестры И.М.Брюсовой) [Погорелова 1993:40]. Для этого мальчика Брюсов совершал невероятное – в голодные годы, он обменивал на Сухаревском рынке свои бесценные книги на булочки, сахар и яблоки. Так было продано почти всё собрание книг по оккультизму и эзотерике. Вместе с Колей «дядя Валя», как называл его мальчик, увлекался филателией, собирал марки в альбом, названный «Собрание марок Коли Филиппенко и Вали Брюсова». Валерий Яковлевич мечтал дать мальчику разностороннее образование, но не успел. Завершила воспитание и образование Коли «тё-

тя Жанна» – Иоанна Матвеевна. Николай Филипенко стал военным инженером.

После смерти Брюсова жена поэта сохраняла обстановку кабинета, позже получившем статус мемориального: издавала рукописи, поддерживала традицию собираться для чтения стихов и поэтических бесед в Кружке памяти Брюсова.

Дом не раз горел. Особняк был восстановлен после многочисленных обращений в правительство, а после передан Государственному литературному музею. 26 октября 1999 года, в год 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина, здесь была открыта экспозиция «А.С.Пушкин и русская литература Серебряного века». Кабинет Брюсова восстановлен по описаниям и фотографиям современников на 1910-1912 гг., а второй этаж в особняке посвящён Серебряному веку, поэтическим течениям и школам этого периода: символизму, акмеизму и футуризму. В центральном зале «уживаются» на противоположных стенах портреты Брюсова и писателя-реалиста Н.Д.Телешова, выполненные пастелью художником С.Малютиным. В этом же зале находятся: шедевр В.Серова – портрет писателя Л.Андреева и портрет В.Ходасевича, выполненный его племянницей Валентиной Ходасевич, портрет И.Бунина работы художника Л.Туржанского. В залах музея нашли свое место и другие реликвии – афиши эпохи Серебряного века, рукописи, фотографии, многочисленные первые издания книг. Старый дом живёт новой жизнью.

В настоящее время экспозиция мемориального кабинета Валерия Брюсова содержит многочисленные мемории, среди них: картины и иллюстрации к книгам Брюсова таких художников как А.А.Койранский, Н.Н.Сапунов, М.Шестеркин, М.Врубель, К.Сомов, Н.Гончарова и др.; рисунки и портреты, сделанные рукой самого поэта (портрет А.Добролюбова, рисунки к «Огненному ангелу» и др.); портреты и бюсты известных писателей Л.Н.Толстого, А.С.Пушкина, Г.Р.Державина, В.А.Жуковского, Э.Верхарна, Ф.И.Тютчева, Данте Алигьери, И.Конеvского и др. В кабинете предсталено сохранившаяся личная мебель поэта, книги с его автографами, программы выступлений, визитные карточки, программы Общества Свободной Эстетики и другие документы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппиус З.Н. Одержимый // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Кн.2. Тбилиси, 1991.
2. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002.
3. Северянин И. Встречи с Брюсовым // Северянин И. Поэзы и проза. Екатеринбург, 2005.
4. Фефер В.В. Брюсов в «Школе поэтики» // Лит. наследство. Валерий Брюсов. Т.85. М., 1976.
5. Г.Н. Писатель Валерий Брюсов у себя дома // Огонек. 1914. №1.
6. Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов. М., 2006.
7. Шершеневич В. Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990.
8. Погорелова Б. Валерий Брюсов и его окружение // Воспоминания о Серебряном веке. Сост. В.Крейд. М., 1993.

MIKHAIL SHAPOSHNIKOV, MONIKA ORLOVA – «THE FLOWERS OF WALLPAPERS, THE CHAINS OF BOOKS...» (ON V. BRUSOV'S STUDY ROOM IN THE MUSEUM OF LITERATURE OF THE SILVER AGE)

The paper is devoted to V.Brusov's study room, on the ground floor of the mansion located on the First Meschanskaya Street (currently Avenue of Peace) in Moscow. The paper describes the furniture, the renowned visitors' impressions, dwells upon the poetic meetings V. Brusov initiated in his study room on Wednesdays. Currently the study hosts the Museum of Literature of the Silver Age.